

СЕКРЕТ ПОЛИТИКА

ВЕЩИ ПРО ЗАПАС

К ХОРОШЕМУ быстро привыкаешь. Почти забылись времена, когда продукты были по талонам, хотя воспоминания о поездках на «оптовку» за провиантом еще хранятся в памяти. Очередной обвал рубля спровоцировал, по словам продавцов, небывалый покупательский спрос. Граждане запасают не только гречку и макароны, но и стиральные машины, телевизоры, компьютеры. «Что бы вы купили впрок?» – с таким вопросом мы обратились к экспертам и простым людям.

Светлана Бурдинская, главный редактор информационного агентства «Байкал Инфо»:

– Здоровья бы купила себе и близким, все шкафы бы забила им и все полки. А остальное не так важно. Экономические переипетии последних месяцев, конечно, оказывают влияние на жизнь, но запасов я не делаю. Сахара мы с дочерью съедаем один килограмм в год, муки – два. Я живу по принципу: «Будет день – будет пища». Если потребуется экономия, ну что ж, стиральный порошок при желании можно не за 50 рублей купить, а найти дешевле, рублей за 30.

Ольга Жаркова, госслужащая, мама четверых детей:

– Нет смысла покупать что-то про запас, мы с мужем только вчера об этом говорили. Лучше купить мало продуктов, но свежих и тогда, когда это нужно. Единственное, о чем я позаботилась, – это детская демисезонная одежда. Приобрели все необходимое на новогодних распродажах. Моя свекровь живет в Питере, мы с ней скоординировались, и она там купила верхнюю одежду младшим детям. Главное, на мой взгляд, не поддаваться панике. Не стоит смотреть на ценник и думать о том, сколько вещь стоила раньше и насколько она подешевела или подорожала. Главное – нужна ли она и стоит ли тех денег, которые за нее просят?

В целом мы не слишком расстраиваемся из-за создавшейся сейчас экономической ситуации: у нас не было накоплений, так что и терять нечего.

Сергей Перевозников, предприниматель в области сельского хозяйства и пищевой промышленности:

– Ничего не покупаю. Успел приобрести кой-какие стройматериалы, корма для животных заранее. Если бы знал об изменении ситуации и имел свободные деньги, купил бы стройматериалов больше. Гипсокартон вон уже подорожал, хотя делают его в нашем регионе.

В современной ситуации я прогнозирую падение спроса на продукты, потребитель будет брать меньше. В смутное время люди стремятся сберечь деньги, хотя продукты – это то, на чем будут экономить в последнюю очередь. Считается, что на еду обычный человек тратит 30% заработка, вероятно, будет тратить 20%.

Смещение акцента с иностранных товаров на свои, скорее всего, нас не спасет, поскольку государственные деньги не вкладывались в отечественное производство, а лежали в кубышке. А теперь размер этой «заначки» резко сокращается, и она не способна уже компенсировать экономические потери.

Евгений Шанько, юрист:

– Я бы успокоился и не стал переживать по поводу последних изменений. Мы же не в евро тратим свои зарплаты, а в рублях. Если покупать местные продукты, то всё в общем будет нормально. Иркутская область прокормит себя, у нас производятся молоко, яйца, овощи. Думаю, что цены могут даже понизиться, поскольку уйдут западные производители, а наши товары станут более конкурентоспособны.

Наталья Кречинская, менеджер, мама троих детей:

– Мы ничем не запасались, только купили дом, остаток денег вложили в новую машину. И поэтому к настоящему моменту лишних средств на всякие продуктовые запасы у нас нет.

Светлана Волкова, бухгалтер:

– Ничего не запасало... Может, мы безалаберные? Ждем, что всё успокоится, и если не вернется обратно, на прежние позиции, то хотя бы стабилизируется. Для меня чувствительно, что подорожали материалы для шитья: ткани, фурнитура. Но поскольку по профессии я бухгалтер, а не швея и в промышленных масштабах ткани не закупую, то, наверное, переживу.

Вот собака наша зависима от импортного корма, который ощутимо дорожает. Хотя в целом это не блокада Ленинграда, потерлим.

Ольга Иванова, издатель:

– Буквально на прошедших выходных мы с мужем купили много всего, что может долго храниться и не требует особых условий: порошок, крупу, собачий корм в промышленных объемах. Дешевле уже не будет, а деньги все равно потратятся. Есть полное подполье картошки и два холодильника мяса. Так что до весны продержимся. У нас был участок земли, хотели его продать. Но мама сказала, что на следующий год мы засадим его картошкой...

В целом, что будет происходить в экономике, трудно предсказать, все прогнозы не реалистичны. Ситуация на рынке сложная, выстоят только высокотехнологичные компании, и те, кто смог быстро переадаптироваться, то есть найти других поставщиков.

Марк Иманов, экономический журналист:

– Я ничего не стал запасать. Поскольку экономические прогнозы на 2017 год более оптимистичны, чем на текущий, я решил, что мое хозяйство не оскудеет за эти два года. Деловые издания вроде РБК, «Коммерсанта» и «Ведомостей» сходятся во мнении, что ситуация должна измениться к лучшему. Особенно хорошего я не жду. На переориентацию российского производства на внутренний рынок большой надежды нет. Со стороны Саудовской Аравии слышны реплики, что они и по 20 долларов готовы продавать нефть, а это дешево. Но в целом эксперты ожидают увеличения стоимости барреля нефти, думаю, он вернется к 100 долларам.

По моему мнению, сценарий этого кризиса будет таким же, как и у предыдущих: девальвация, все ахают-охают, затем экономика страны адаптируется.

Виктория Устинова, домохозяйка:

– Я закупала всё: макароны, гречку, сахар. Понимаю, что все эти кризисные явления рано или поздно закончатся, но мне спокойнее иметь запасы. Неизвестно, когда наступит самый черный день, лучше быть к нему готовой. Собственно, я и до кризиса всегда делала запасы. Например, если я уверена, что что-то из косметики мне очень подходит, например тушь «Шанель», я покупаю сразу два экземпляра. И когда первый заканчивается, я достаю следующий и покупаю запасной.

У меня натура гоголевской Коробочки. Для маленького сына всегда есть одежда на размер-два больше. Если на распродаже я увидела качественную хорошую вещь со скидкой, я никогда не пройду мимо.

За язык тянула Екатерина Григорова

Начало на стр. 1

– Но, как я понимаю, для становления археолога еще и важно самообразование. Ведь у нас в университете не преподают ни геологию, ни анатомию, ни зоологию для археологов, а необходимы знания именно из этих сфер...

– В археологии действительно для исследований требуется привлечение методов разных наук, в том числе и естественных. Но овладеть этими науками досконально одному человеку не под силу. Определенные базовые знания хорошо бы археологу иметь, чтобы отличать, обнаружил он кости человека или кости лошади, к примеру.

– Да, еще неплохо бы отличать кости лошади от костей верблюда, а то мы знаем, как в одном иркутском музее до сих пор хранятся материалы, на которых написано, что это верблюд из погребения, а на самом деле всего-то останки лошади...

– Вот чтобы избежать подобных казусов, археологу стоит привлекать для определения профессионалов, узких специалистов, тех же зооархеологов, антропологов. Это позволит ученому не скомпрометировать себя и представить в научной статье корректные сведения. Хотя, конечно, вы правы, необходимо в учебном курсе для археологов давать основы антропологии, зоологии, геологии, геодезии и еще многое другое. Подобное предусмотрено при классическом образовании в Британии, во Франции, определенная школа сформирована в Московском университете, у нас в Иркутске такого, к сожалению, нет, преподаются лишь отдельные спецкурсы, поэтому многие знания, необходимые специалисту-археологу, «догоняются» самообразованием.

– В России уже несколько раз за последние годы предпринимаются попытки реформирования высшей школы. У вас есть впечатление, что инициаторы преобразований четко понимают, что должно получиться на выходе?

– Абсолютно нет такого впечатления. Пока происходят дикие метания в высшей школе и науке, которые убеждают нас в мысли, что всю существующую систему хотят загубить. Полагаю, если бы имелась целостная концепция, в которой было бы прописано, что же мы хотим получить от реформы в итоге, то ее бы представили. А пока только критикуют нынешнюю систему, не предлагая ничего вразумительного взамен и не поясняя проводимые эксперименты... Иногда, стоит признать, определенные пояснения можно услышать. То же ЕГЭ, как было заявлено, инициировали для борьбы с коррупцией в вузах и чтобы повысить шансы для детей из провинции поступить в лучшие учебные заведения страны. Но это отдельный пример, а на развитие всей системы высшей школы целостного взгляда пока нет. Как, впрочем, нет перспективного видения жизни страны на ближайшие годы, нет качественного планирования в экономике, что мы сейчас все чувствуем на себе.

– В Иркутск приезжают ученые из США, Канады, Японии изучать наши археологические материалы, привозят новые технологии, методики. А что же мы сами? Есть ли собственные ресурсы для развития?

– Очень сложно сказать, как мы будем развиваться в ближайшее время. Мы действительно обладаем большим багажом археологических материалов, часть их которых не введена еще в научный оборот и не подверглась систематизации, существующей в западной науке. Свои материалы западные ученые уже обмозговали, сделали выводы, опубликовали, но для составления целостной картины им необходимы данные и из других регионов планеты, в том числе и с территории нынешней России.

Есть еще один нюанс. Во многих странах сложно вести археологические исследования, к примеру, в США и Канаде раскапывать погребения практически невозможно. Все доевропейские захоронения индейцы считают своими, будь это даже погребение каменного века. Местные национальные сообщества выступают противниками проведения археологических раскопок, способных потревожить духов предков. Более того, существует тенденция, когда материалы, ранее извлеченные археологами из захоронений и выставленные в музеях, обратно возвращают в реконструированные погребения, а музей добывается копиями. В России подобных течений пока нет.

– Как же! А «укокская принцесса»? Жители обвинили археологов, что все беды населения Алтая оттого, что было вскрыто ее захоронение.

– Это крайнее проявление мистицизма, хотя здесь есть примесь и большой политики, и попытки сыграть на национальных чувствах. Но подобные случаи у нас все-таки исключение, а не правило. В России у археологов не возникает таких глобальных проблем при проведении раскопок, какие я описал в той же Канаде. Когда же ситуацию доводят до абсурда, как произошло на Алтае с мумией женщины, раскопанной

Артур Харинский: «В археологии важен фарт»

«НА АЛТАЕ РАЗДУЛИ ШУМИХУ ПРО «УКОКСКУЮ ПРИНЦЕССУ», СОЗДАЛИ СКАНДАЛ, А ТЕПЕРЬ ДАЖЕ ТРЕБУЮТ ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЯ МУМИИ».

на плато Укок, хочется напомнить другую прецедент.

В Туве продемонстрировали пример мудрого использования археологической науки. Там регулярно находят уникальные вещи. Недавно был раскопан курган Аржан-2, где было найдено много удивительных изделий из золота. Без особой шумихи правительство республики добилося, чтобы артефакты не отдали в центральные музеи, в тот же Эрмитаж, а оставили бы в Туве. В итоге в Кызыле построили музей, сделали красивые залы с экспозицией. Создана благоприятная атмосфера и для изучения вещей археологами, и для лубования наследием предков, и для туристической отрасли. В республике повсюду можно встретить сувениры с изображениями вещей из курганов. Родается целый бренд, приносящий и финансовую пользу. Тува зазвучала в научный оборот и не подверглась систематизации, существующей в западной науке. Свои материалы западные ученые уже обмозговали, сделали выводы, опубликовали, но для составления целостной картины им необходимы данные и из других регионов планеты, в том числе и с территории нынешней России.

На Алтае же поступили по-другому, раздули шумиху про «укокскую принцессу», создали скандал. В конце концов мумию вернули из Новосибирского отделения РАН в Горно-Алтайск, построили под нее музей, но теперь местные деятели и этим недовольны и требуют перезахоронить «принцессу»...

На мой взгляд, винить археологов во всех бедах, это все равно что уподобляться нашим далеким предкам, считавшим, что все явления окружающего мира были связаны с деятельностью сакральных сил.

– О, как раз про потусторонние силы. Вас не раздражает, что к вам обращаются СМИ с просьбами прокомментировать место и роль инопланетян на древних писаницах или рассказать про проклятые древних курганов?

– Знаете, точных сведений о роли инопланетян в развитии человеческой культуры нет. Есть изображения на писаницах, которые отдельные граждане трактуют как инопланетные существа. Про культурные мегалитические памятники нередко можно слышать, что такие конструкции по силам было возвести только неземным созданиям. Конечно, возникает удивление и восхищение от тех конструкций, которые строили люди в прошлом. Мы не знаем многих технологий, которыми пользовались в древности, и это незнание толкает на поиск универсальных ответов. Это можно сопоставить с тем периодом в истории, когда человек не знал, от чего происходит гром, молнии, при-

ливы, отливы... Всё это приписывали деятельности духов, сакральных сил, то же самое и сейчас. Мы уже меньше верим в сакральное, но находим новый универсальный объект для объяснения неведомого – им становятся инопланетяне, своего рода тоже духи в современном восприятии.

– Как вы относитесь к черным археологам, кладоискателям? Помните, они предлагали помощь ученым в спасательных работах на ложе Богучанской ГЭС...

– Я знаком со многими кладоискателями-любителями в Иркутске, среди них есть достаточно компетентные вещицы. Среди предметов, обнаруженных ими с помощью металлоискателя, иногда встречаются уникальные артефакты. Таким находкам место в музее, а они оседают в частных коллекциях. Вступление в силу закона, запрещающего этот вид деятельности, надеюсь, наведет порядок и охладит пыл «черных копателей».

Кладоискатели, которые предлагали помощь во время спасательных работ на археологических объектах, попадающих в зону затопления БогГЭС, могли бы больше принести пользы, если бы трудились в составе научной экспедиции. Но такой формат им не по нраву... Потом, далеко не все объекты

«НАЙТИ МОГИЛУ ЧИНГИСХАНА – ЭТО НЕ САМОЦЕЛЬ, МОЖЕТ, И НЕ НАДО ЕЕ ИСКАТЬ».

можно обнаружить металлоискателем – основным орудием охотников за кладами. К числу таких артефактов относятся изделия из камня, кости, глины, стекла. Как правило, их находят или в различных земляных обнажениях (овраги, обрывы, распаханные поля) или во время археологических раскопок.

– Вы верите в профессиональный фарт или в археологии важнее глубокие научные знания?

– Безусловно, опираясь на научные знания, выбираешь район раскопок, присматриваешь погребальную конструкцию. Но никогда не знаешь, найдешь там что-то интересное или нет. Ведь до тебя еще в древности это погребение могли разграбить, или каменная кладка может оказаться не могилой, а ритуальным сооружением... Поэтому фарт, удача для археолога очень важны.

– Какой артефакт или объект вы считаете жемчужиной своей карьеры?

– Наверное, один из интереснейших объектов, в раскопках которого я принимал участие, – это могильник Цаган-Хушун, расположенный на берегу Байкала вблизи деревни Курма. Обнаруженные там материалы дают представление о жизни обитателей

Приольхонья в конце 1 тыс. до н.э. – начале 1 тыс. н.э. Это один из крупнейших могильников того времени, сейчас там раскопано около 60 захоронений, большинство из которых было разграблено еще в древности. В то время Прибайкалье находилось на периферии очень крупного государства – державы Хунну, племена которого держали под контролем территорию Центральной Азии и осуществляли набеги на Китай. В погребениях Цаган-Хушун мы находили изделия как раз хуннского типа – звериные пряжки, пластины, предметы вооружения.

– Археология – мужское или женское занятие?

– Успешные археологи есть и среди мужчин, и среди женщин. Какие-то работы могут сделать лучше мужчины, например, перетасать тяжелые камни, выкопать глубокий шурф. А у женщин качественнее получается скрупулезно расчищать кость или отрисовывать кладку. Но обозначать, кто лучше в этой профессии, я бы не стал.

– Иркутские археологи активно сотрудничают с коллегами из Японии, Канады. Политические события последнего года оказывают влияние на научный мир или вы вне политики?

– Можно пытаться открещиваться от политических предрядя, но так или иначе они сказываются на научной сфере. Явных и открытых заявлений, что будет свернуто научное взаимодействие, не делается, но исподволь ощущается. Я это почувствовал на себе. В прошлом году мы с коллегами из Америки должны были проводить раскопки на месте, где затонул корабль «Нева» Росийско-американской компании, доставлявший грузы на Аляску. Планы утвердили, уже хотели заказывать билеты, но потом вдруг всё пошло не так. Летние работы были отложены под благовидным предлогом, будто бы не удалось договориться с местными индейцами о раскопках. Потом американские коллеги, планировавшие выступление по этой тематике на российской научной конференции, вдруг отозвали свои статьи, пояснив, что публикации в России могут помешать в получении грантов... И не раз уже от отечественных коллег слышал рассказы, как они, выступая на международных симпозиумах, чувствовали на себе определенный прессинг, от них требовали «повиниться за деяния России».

Хочется верить в лучшее и надеяться, что всё это пена на волнах. Я планирую весной съездить в Вильнюс на конференцию по эвенкийской проблематике, посмотреть, насколько дружелюбный научный климат встретит нас там.

– Если где-то охлаждение, то где-то должно и потеплеть. Значит, откроются новые возможности для сотрудничества с Монголией и Китаем.

– Да, в Монголии у нас есть интересный проект с коллегами из Владивостока во главе с членкомором Николаем Крадиным. Мы получили грант на исследование хуннских городов. Правда, возникает проблема другого плана: грант, прописанный со сметой по ценам начала прошлого года, сейчас обесценился в два раза. Сложно прогнозировать, на что реально хватит средств.

Есть задумки по сотрудничеству с китайскими партнерами. Планируется проведение разведочных работ на севере Китая. В последние годы мы в Забайкальском крае и Монголии исследовали фрагменты наследия империи Ляо, в том числе «вал Чингисхана» (оборонительная конструкция империи), часть которого расположена также в Китае и археологами не изучена. Рассчитываем найти там интересные артефакты и пополнить наши представления об империи Ляо.

– «Вал Чингисхана», безусловно, объект интереснейший, но простым людям любопытнее узнать, будет ли найдена могила Чингисхана или это захоронение растиражированный миф?

– У монголов была традиция хоронить умершего, более того, класть ему вещи, которые бы сопровождали его в загробный мир, сооружать каменную кладку над могилой. Понятно, что могила такого деятеля, как Чингисхан, должна быть колоссальной по размерам и роскоши. Существует легенда, что все свидетели погребения Чингисхана были убиты. Можно слышать о множестве экспедиций, которые ищут могилу Чингисхана, на самом же деле это лишь повод для многих исследователей получить средства от спонсоров и провести исследования в Монголии.

С профессиональной точки зрения могу высказать предположение, где мог быть захоронен Чингисхан. По монгольским традициям человека обычно хоронили в тех местах, где он родился. Чингисхан родился на реке Онон, там прошло его детство. Следовательно, в долине этой реки или в расположенных поблизости горах и был погребен основатель монгольской державы.

Вообще, найти могилу Чингисхана – это не самоцель, может, и не надо ее искать. Должен же быть и в археологической среде свой персонафицированный символ.

Беседовала Алёна Сабирова
Фото из архива А. Харинского

«ВСЕ ДОВЕРОПЕЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ СЧИТАЮТ СВОИМИ, БУДЬ ЭТО ДАЖЕ ПОГРЕБЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА».